

Цзян Жулянь считала себя вполне симпатичной, если не самой очаровательной среди демонов, то уж точно самой привлекательной в клане Небесных. У неё было овальное лицо, длинные ресницы, большие, влажные глаза, а маленький рот и нос, в сочетании с застенчивой улыбкой, придавали ей вид нежного полевого цветка. Кто бы мог устоять?

Красота была врождённым преимуществом феникса, и Цзян Жулянь уже приложила немало усилий, чтобы её подчеркнуть.

Однако взгляд Цинцянь задержался на ней лишь на мгновение, прежде чем вернуться к чернильным пятнам на бумаге. Она спокойно сказала: «...Не обнимай меня без разрешения, и за драку — десять раз переписать правила секты».

Затем она деловито оттолкнула Цзян Жулянь, сунула ей в руки её работу и, можно сказать, проявила полное равнодушие.

— О, — Цзян Жулянь, держа в руке прописи, испещрённые красными кружками, серьёзно спросила: — А когда я смогу обнять старшую сестру?

Цинцянь ответила: «Никогда».

Мало того, что её не похвалили, так ещё и заставили переписывать правила.

Цзян Жулянь надула губы, словно белоснежный цветок, побитый морозом, и уныло удалилась.

Такое состояние апатии продолжалось до следующего дня, пока она не переписала все правила и не выпила миску каши из риса и бамбука, сваренной старшей сестрой.

Вся феникс снова оживилась и послушно последовала за Цинцянь в учебный класс.

На этот раз они не пошли разными путями, а вошли в дверь друг за другом.

Изначально шумный класс в одно мгновение затих. Даже самые озорные ученики, обычно ерзавшие на местах, сидели смирно, словно испуганные перепела.

Старшая ученица горы Цинъюнь, Цинцянь, славилась своей непреклонностью. Её белые одежды казались сотканными из инея и снега, а свет меча — отражением луны. Не менее известными, чем её владение мечом и внешность, были и её несговорчивость. Втайне её прозвали «ходячим сводом правил».

За проступки её наказания были строго по правилам, и никакие уговоры не помогали. За шум на уроке — стояние в углу, за опоздание — переписывание, за списывание на экзамене — двадцать ударов по ладоням бамбуковой линейкой.

Даже старшие ученики, которые были её на несколько лет старше, не смели вести себя вольно в её присутствии, не говоря уже об этих детях семи-восемью лет.

Они испытывали к Цинцян одновременно уважение и страх. Когда Цинцян заставляла всех зубрить священные тексты, каждый мечтал зарыться головой под стол.

Только Цзян Жулянь не отрываясь смотрела на Цинцян.

Она видела, как её белые волосы в утреннем свете отливали бледно-жёлтым, как контуры её профиля были настолько изящны, что любое добавление показалось бы лишним.

Она видела, как та, держа книгу, неторопливо объясняла основы культивации.

Сложные древние тексты, разобранные ею, становились ясными и понятными, словно тучи рассеялись, открывая солнце.

Маленькая госпожа была непревзойдённой мастерицей, но каждый раз, закончив отрывок, она поднимала свои хрустальные глаза, и очередной незадачливый ученик выбирался для ответа на вопрос.

Все остальные напрягали внимание до предела и втайне стонали.

Цзян Жулянь тоже боялась — боялась ответить плохо и разочаровать старшую сестру.

Но за всё утро её ни разу не вызвали, зато вчерашний маленький толстячок, с которым она дралась, побледнел как полотно — Цинцян была крайне недовольна его успехами и холодно спросила: «Из какого пика ты ученик?»

Маленький толстячок заикался от страха, крупные капли пота выступили на его лбу: «Докладаваю, докладываю, старшая сестра, я поступил на пик Хэнью в прошлом году».

Цинцян стояла, сложив руки за спиной: «Старший наставник в уединённой медитации, поэтому я, как старшая сестра, буду заниматься твоим воспитанием. Ты перепишешь эту книгу три раза, а затем ежедневно перед началом урока будешь приходить ко мне и заучивать одну главу».

Услышав это, маленький толстячок съёжился, чуть не заплакав. Остальные ученики тоже молча опустили головы, боясь попасть под горячую руку.

А Цзян Жулянь внимательно слушала, и в её голове снова и снова проносилась одна мысль —

Как же хочется обнять старшую сестру.

Проведя в учебном классе полгода, Цзян Жулянь пропустила стадию «Привлечение ци» и перешла к изучению магических искусств в павильоне Минчжан.

Ученики в павильоне были значительно старше её, и казалось, что взрослые люди более коварны, их чувства — как любовь, так и ненависть — не проявлялись открыто.

Они обсуждали всё только вполголоса, тайно:

— У этой феникса есть имя? Кто его дал?

— Не только имя, старшая сестра даже разрешила ей изучать наши магические искусства.

— Смешно, только старшая сестра добрая. В другом месте её бы давно бросили в алхимическую печь для изготовления пилюль.

Фениксы от природы обладали отличным телосложением и острым слухом.

Цзян Жулянь всё это слышала, но не было настроения обращать внимание. Каждый день, кроме уроков и мечтаний, она ждала, когда старшая сестра вернётся на пик Цинлуо.

Цинцзянь в последнее время не преподавала, а выполняла приказ и руководила группой учеников в походе за пределы горы для тренировки.

Она никогда не отказывалась от заданий секты.

Например, когда Байюнь Се велел ей оберегать подобранного феникса, она, несомненно, сделала бы всё возможное, чтобы выполнить это.

Когда в этот раз секта приказала ей отправиться на север для уничтожения демонов, она, не колеблясь, согласилась.

Цзян Жулянь ждала с того момента, как начали распускаться первые зимние цветы, до тех пор, пока на бамбуке не появились новые побеги. Наконец, её старшая сестра вернулась, но радости это не принесло.

Цинцзянь ушла в октябре, а вернулась в феврале следующего года. Помимо сдачи десятка демонических сердец секте, она привезла с собой больное тело. Говорили, что она простудилась во время охоты на демонов, сначала её не сбивала высокая температура, а потом холод проник в кости. Даже под тяжёлыми одеялами и в комнате с установленным

согревающим массивом, её лицо оставалось ужасающе бледным.

Целители почти вытоптали порог пика Цинлуо, но её состояние не улучшалось.

Цзян Жулянь каждый день дежурила у входа, наблюдая, как целители входят с лекарствами и выходят, качая головами.

— Мы попробовали все возможные методы, даже мой наставник лично приходил, но безрезультатно.

— Руки старшей сестры холодные, как вода в ледяном пруду, ох, мне так больно на неё смотреть. Разве феникс не считается ценным лекарством? Может быть...

— О чём ты говоришь? — одна из старших учениц нахмурилась и прервала свою подругу.

Затем, обернувшись, она увидела Цзян Жулянь, стоящую неподалёку, с глубокомысленным взглядом, тихую, как манекен.

Нет ничего более неловкого, чем когда твои плохие намерения случайно услышаны тем, кого они касаются. У молодого культиватора зашевелились волосы на затылке, он быстро нашёл предлог и сбежал.

Цзян Жулянь сделала вид, что ничего не слышала, и подошла ближе, спросив: «Старшая сестра, вам сегодня лучше?»

Старшая ученица всё так же покачала головой.

Она тяжело вздохнула: «Эту болезнь нельзя подпускать к ветру, и нельзя прерывать лечение. Ты помни, чтобы напомнить старшей сестре выпить лекарство, ночью хорошо укрывайся одеялом, плотно закрывай окно и ни в коем случае не простудись».

Цзян Жулянь послушно ответила: «Угу, я запомнила».

Она не просто запомнила, она буквально высекла эти слова в своём сердце.

Вечером, перед сном, она специально обошла комнату, проверяя окна.

Затем она в панике обнаружила, что в одном окне осталась щель, оно не было плотно закрыто.

Через эту щель Цзян Жулянь даже могла видеть силуэт на кровати. Одеяло было толще, чем она сама, возможно, из-за духоты, большая часть руки Цинцянь была выставлена наружу, она

хмурилась и беспокойно спала.

Как так можно!

Ночной ветер бушевал, ударяясь о бумагу окна. Дверь была заперта, Цзян Жулянь никак не могла её открыть. Она так долго училась, что в драке ей бы не было равных. Но когда дело доходило до таких мелочей, как открыть дверь или закрыть окно, она была совершенно беспомощна. В отчаянии ей оставалось только превратиться в маленького феникса и попытаться пролезть через щель.

Крошечный феникс размером с ладонь был покрыт красными перьями, а хвост был коротким, лишь немного лучше, чем когда её только подобрали.

Она вспорхнула на подоконник, выждала момент и прыгнула, нырнув в щель, и наконец успешно пролезла... наполовину.

Из-за неверной оценки своих размеров, она теперь была зажата посередине, не могла ни войти, ни выйти.

Разве что если бы окно сломали.

Или если бы разбудили спящего человека.

По сравнению с тем, чтобы ничего не делать и ждать, пока Цинцянь утром разбудит её и спасёт, Цзян Жулянь выбрала второе.

В комнате раздался чистый крик феникса.

— Спасите, чиу! Спасите, чиу!

Меньше чем через минуту, плотно сомкнутые веки Цинцянь слегка затрепетали, и она медленно проснулась.

Она встала, помассировала виски, зажгла свет и отправилась искать виновницу, разбудившую её.

Феникс, застрявший в оконной щели посреди ночи.

Цзян Жулянь тут же замолчала, зрачки расширились, её маленькие лапки, повисшие в воздухе, беспомощно заскребли. Стыдно было показаться.

Цинцянь: «.....»

Она откинула засов окна и достала маленького феникса.

Цзян Жулянь спланировала на пол, снова приняла человеческий облик. Первым делом она заперла окно.

Затем она забралась на кровать Цинцянь и начала снимать верхнюю одежду.

Цинцянь на мгновение не поняла, даже не успела её остановить.

Когда она подошла к кровати, Цзян Жулянь уже сбросила верхнюю одежду, обнажив светлую жёлтую нижнюю рубашку, затем забралась под одеяло, оставив только пару ясных чёрно-белых глаз.

Прежде чем Цинцянь успела что-либо сказать, Цзян Жулянь перебила её: «Я не обнимала вас, просто хотела, чтобы вам стало теплее». Она жалобно пожаловалась: «Ваше одеяло такое холодное».

Цинцянь без выражения подняла одеяло: «Слезай».

Цзян Жулянь сжалась в комок, слёзы начали собираться в её глазах, готовые вот-вот брызнуть. «Тогда съешьте меня», — она вытерла слёзы рукавом, уголки глаз покраснели, и со всхлипом сказала: «Я такая большая, лекарства из меня должно хватить, чтобы вы ели очень долго, и тогда вы выздоровеете».

Видя, что Цинцянь остаётся безучастной, Цзян Жулянь медленно поднялась: «Я сейчас же отправлюсь на пик Линшу, чтобы героически пожертвовать собой».

Цинцянь сжала и разжала край одеяла, спустя долгое время тихо вздохнула, с явным беспомощным видом: «Жертвовать собой — это не то, что нужно делать так».

Цзян Жулянь тут же снова легла.

Бок кровати провалился, и она почувствовала холодный аромат с ноткой горечи. Тонкая рука накрыла её одеялом и плотно заправила. Затем Цинцянь легла, повернувшись спиной к Цзян Жулянь, оставив между ними как минимум три фута пространства, которого было достаточно, чтобы улечься ещё одному человеку.

Цзян Жулянь незаметно подползла ближе к Цинцянь, делая вид, что невинно спрашивает: «Тогда как это называется?»

«Самоубийство».

«Ох».

Когда казалось, что осталось совсем немного, Цинцянь внезапно спросила: «Почему у твоей нижней рубашки жёлтый цвет?»

Цзян Жулянь вздрогнула и чуть было не отскочила назад.

Она тихонько коснулась белых волос Цинцянь и, приглушённо ответив, сказала: «Это из моих перьев».

Подождав ещё немного, и не дождавшись реакции, Цзян Жулянь успешно прижалась к спине Цинцянь и действительно обнаружила, что температура её тела была даже ниже, чем она ожидала.

Цинцянь села: «Ты...»

Цзян Жулянь сразу же обиженно перебила: «Я не обнимала». Ведь она даже руки не протянула, разве можно считать прикосновение объятием?

Но сегодняшний лимит милых шалостей был исчерпан, Цинцянь оставалась невозмутимой: «Превращайся в феникса, иначе я выгоню тебя».

Цзян Жулянь, попытавшись обмануть, потерпела неудачу и теперь горько сожалела. Уйти было невозможно, вся маленькая феникс уселась на подушку, распластавшись в пышный, саморазогревающийся птичий блинчик.

Лёгкий ветерок пронёсся, и комната погрузилась в полную темноту.

Цинцянь погасила лампу.

<http://bllate.org/book/21741/2247723>